

внешних шоков и поведения отдельных категорий налогоплательщиков (проблема уклонения от налога). Налоговая база НДС обычно определена настолько широко, что ее изменения напрямую зависят лишь от динамики роста национальной экономики, в то время как структурные сдвиги и внешние факторы обладают ограниченным влиянием.

Список литературы

1. Захаров А. С. Налоговое право ЕС: актуальные проблемы функционирования единой системы / А. С. Захаров. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 672 с.
2. Крохина Ю. А. Налоговое право / Ю. А. Крохина. – Москва : Юрайт-Издат, 2009. – 429 с.
3. Попова Л. В. Налоговые системы зарубежных стран / Л. В. Попова. – Москва : Дело и сервис, 2011. – 432 с.
4. Райзберг Б. А. Большой экономический словарь / Б.А.Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – Режим доступа: [http// base. consultant.ru](http://base.consultant.ru), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Тютюрюков Н. Н. Налоговые системы зарубежных стран / Н. Н.Тютюрюков. – Москва : ИТК «Дашков и К», 2009. – 176 с.
6. Федеральная налоговая служба России. – Режим доступа: [http//www.nalog.ru](http://www.nalog.ru), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Черник Д. Г. Налоги и налогообложение / Д. Г. Черник. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 367 с.

References

1. Zakharov A. S. *Nalogovoe pravo YeS : aktualnyye problemy funktsionirovaniya yedinoi sistemy* [EU tax law: actual problems of the unified system], Moscow, Volters Kluver Publ., 201. 672 p.
2. Krokhnina Yu. A. *Nalogovoe pravo* [Tax law], Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2009. 429p.
3. Popova L. V. *Nalogovyie sistemy zarubezhnykh stran* [Tax systems of foreing countries], Moscow, Delo i servis Publ., 2011. 432 p.
4. Raizberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. *Bolshoy ekonomicheskii slovar* [Large economic dictionary]. Avaiilaible at: [http// base. consultant.ru](http://base.consultant.ru)
5. Tyutyuryukov N. N. *Nalogovyie sistemy zarubezhnykh stran* [Tax systems of foreing countries], Moscow, “Dashkov i K” Publ., 2009. 176 p.
6. *Federalnaya nalogovaya sluzhbay Rossii* [Federal Tax Service of Russia]. Avaiilaible at: [http// www. nalog.ru](http://www.nalog.ru).
7. Chernik D. G. *Nalogi i nalogooblozhenie* [Taxes and taxation], Moscow, UNITY-DANA Publ., 2010. 367 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Лунев Александр Павлович, доктор экономических наук, профессор, ректор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aspu@aspu.ru

Маркелов Константин Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Мордасова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Минева Оксана Карловна, доктор экономических наук, профессор, декан

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: okmineva@rambler.ru

Коррупция представляет собой социальный феномен, искоренить полностью который не удается ни одному государству. Вместе с тем, коррупция выступает одним из сдерживающих элементов развития любой социально-экономической формации вне зависимости от режима, формы устройства, идеологии, светскости государства. За столетия в мировой практике государственного управления накоплен большой инструментарий противодействия коррупции. В данной статье приведен комплексный обзор ведущих мировых практик противодействия коррупции и рассмотрена возможность его использования в российской практике.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, государственное управление, конфликт интересов, коррупционный потенциал

USE OF FOREIGN PRACTICES IN COUNTERING CORRUPTION IN RUSSIAN STATE CONTROL

Lunev Aleksandr P., D.Sc. (Economics), Professor, Rector

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aspu@aspu.ru

Markelov Konstantin A., Ph.D. (Economics), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Mordasova Tatyana A., Ph.D. (Philology), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation

Mineva Oksana K., D.Sc. (Economics), Professor, Dean

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: okmineva@rambler.ru

Corruption is a social phenomenon, completely eradicate that can not be a single state. However, corruption is one of the constraints on the elements of any socio-economic system, regardless of the mode shape of the device, ideology, secularity. Over the centuries, in the world of public administration has a long anti-corruption instruments. This article provides a comprehensive Equi leading anti-corruption practices and consider the possibility of using it in Russia.

Keywords: corruption, anti-corruption, governance, conflict of interest, potential for corruption

Противодействие коррупции в современной России рассматривается правящей элитой в качестве приоритетного направления проводимой политики, поскольку коррупционные практики стали устойчивым элементом функционирования государства, главным препятствием экономической и политической модернизации страны и представляют реальную угрозу национальной безопасности [11]. Коррупционные технологии лоббизма нарушают последовательность принятия и осуществления политических и управленческих решений; не позволяют государству в полном объеме добиваться осуществления стоящих перед ним задач; приводят к коррумпированности государственного аппарата. Становясь достоянием гласности, коррупционные действия в высших эшелонах власти подрывают доверие граждан к государственным структурам и ставят под сомнение их легитимность. Несмотря на меры пресечения подобной дея-

тельности, предпринимаемые в системе государственного управления, ситуация продолжает оставаться напряжённой, свидетельством чему является стабильно низкое место России в различных «рейтингах» распространения коррупции, публикуемых международными неправительственными организациями. По данным влиятельной международной организации Transparency International в 2013 г. Россия по «Индексу восприятия коррупции» получила только 28 баллов, что соответствует 127 месту среди ведущих мировых государств. Рейтинг составляется на основе антикоррупционной деятельности государства и предполагает характеристику таких факторов как взяточничество должностных лиц, недобросовестное использование бюджетных средств, а также участие госслужащих в распределении прибылей от выполнения государственных заказов [3]. Речь идет практически о том, что коррупцию можно рассматривать в качестве сетевого признака российского государственного устройства. Это делает крайне значимым поиск эффективных процедур и инструментов, которые бы позволили локализовать проявление коррупционных практик и тем самым устранить часть исходящих от них глобальных угроз для экономики и политики страны.

Опыт противодействия коррупции показывает, что полностью искоренить данный социальный феномен не удастся ни одному государству, но снизить его уровень, как подтверждают антикоррупционные практики зарубежных стран вполне реально, даже в более сложных условиях развития системы государственного управления, чем в современной России. Добиться позитивного результата в профилактике и пресечении коррупционных отношений в деятельности органов власти возможно благодаря учету национальных особенностей и стереотипов восприятия коррупции различными социальными группами, гибкости антикоррупционных мер и условий, которые должны оперативно меняться с учетом возможной адаптации коррупции к сложившейся социально-экономической или политической ситуации в стране. Учитывая многообразие коррупционных факторов, особое значение приобретает не только интеграция России в систему международного многостороннего сотрудничества в этой области, но и использование зарубежного опыта по реализации государственной стратегии предупреждения и пресечения коррупционных проявлений во всех сферах общественной жизни, определении важнейших принципов антикоррупционной деятельности в системе государственного управления. Оценка возможностей применения данного опыта в России, и разработка адаптированных к отечественным условиям механизмов профилактики и пресечения коррупции позволит выявить эффективные методы и способы противодействия и определить их организационную структуру.

Сопоставительный анализ механизмов противодействия коррупции в различных странах невозможен без характеристики ее сущности, природы и основных признаков. Однако на международном уровне отсутствует согласованное определение понятия «коррупция», его формулировка в национальных законодательствах является вариативной, а характеристика сущности, признаков и проявлений коррупционной деятельности остается предметом дискуссий и системного научного анализа [13]. Можно выделить три основных подхода к пониманию коррупции как системного социального явления. Первый подход предполагает характеристику коррупции в качестве обязательного атрибута любой системы государственного управления, проявляющегося в поведении правящей элиты. Речь идет о конфликте интересов и социальных противоречиях, при регулировании которых политические деятели или должностные лица могут разрушать общественные связи и отношения, проявляя заинтересованность в том или ином варианте принятия окончательного решения. Предметом исследования становится содержательная сторона коррупционной деятельности, ее признаки и механизмы; состав участников, уровень и степень их организации; субъективное отношение к коррупции лиц, непосредственно ее совершающих (мотивы, цели, интересы), так и сформировавшегося по отношению к ним общественного мнения (осуждающего, нейтрального, одобряющего их совершение). Агентская система отношений при возникновении коррупции одна из самых распространенных в мире [12].

При втором подходе коррупция определяется, как культурно-этическое отклонение, в основе которого использование возможности произвольно управлять государственными ресурсами, игнорируя этические правила в сфере государственного управления, при ведении бизнеса и развитии общества. Происходит постепенная замена нормативно-правовых предписаний неформальными договоренностями и намеренное несоблюдение должностных процедур в виде действия или бездействия, как с нарушением, так и без нарушения государственными служащими должностных инструкций [5, 9]. В качестве одного из способов оценки масштабов коррупции рассматривается уровень реакция общественного мнения на коррупционные действия, а предметом анализа являются бюрократический аппарат, рынок и общественный интерес. Должность становится основой для извлечения максимальной прибыли, размер которой зависит от рыночной конъюнктуры стоимости услуги. Коррумпированный чиновник, желая получить материальные или статусные преимущества для себя, своей семьи или связанной с ним узкой группы лиц, нарушает принцип невмешательства по личным мотивам в исполнение должностных функций. Признаками коррупционной ситуации становятся: принятие решений, нарушающий закон или неписанные общественные нормы; действие партнеров по обоюдному согласию; получение обеими сторонами незаконных выгод и преимуществ; стремление всех участников коррупционной сделки к сокрытию своих действий.

Наибольший интерес для методологии исследования международного опыта противодействия коррупции представляет третий подход, в рамках которого коррупцию рассматривают как результат сформировавшихся коррупционных отношений, имеющих устойчивый характер и способных к самовоспроизведению. Важно подчеркнуть, что с содержательной точки зрения процесс институционализации коррупции включает характеристику коррупционного потенциала; коррупционных ресурсов; потребностей в коррупционных услугах; механизмов и внешних условий коррумпирования. Коррупционный потенциал дает представление о спросе на виды управленческих услуг и их потенциальной прибыльности. Содержание коррупционного ресурса раскрывает возможности субъекта оказывать определенные услуги или обеспечивать получение таких услуг. Особого внимания заслуживает рассмотрение потребности в коррупционных услугах, то есть определение лиц, нуждающихся в их получении и лиц, обладающих коррупционным потенциалом, в том числе и провоцирующих условий [7]. Внешние условия и механизмы коррумпирования зависят от таких факторов как: распределение управленческих компетенций; правовое регулирование социально-экономических процессов; отношение общества и отдельным социальным групп к данным видам коррупции и т.д. Обобщающим выводом данного подхода становится, во-первых, обоснование прямой связи между избыточностью управленческого аппарата и объемом коррупционных потребностей, который он способен сознательно формировать. Во-вторых, понимание сущности модификаций коррупции, которые условно можно разделить на «западную коррупцию» и «восточную коррупцию». Для первой характерна определяющая роль своеобразного рынка коррупционных услуг, на котором стороны вступают в коррупционные отношения. Комбинируя различные способы, методы, технологии коррупционной активности субъекты коррупции постепенно расширяют зоны своего влияния в различных областях социального администрирования [6]. Итогом становятся, по меньшей мере, три тенденции в развитии коррупционных отношений:

- экспансия коррупционных взаимоотношений, их устойчивая трансформация в коррупционные сети, которые всегда «привязаны» к финансовым ресурсам и распределительным функциям и используются для совершения коррупционных сделок;
- интернационализация и глобализация коррупции, что делает все более недоступным контроль за коррумпированными денежными потоками со стороны правоохранительных структур;

- расширение сферы легализации коррупции, создание видимости законности коррупционных сделок за счет разнообразных способов и технологий.

«Восточная коррупция» представляет собой укоренившуюся систему социальных отношений, в основе которых родственные, клановые, корпоративные, земляческие, профессиональные и другие взаимосвязи. В коррупционных практиках конкретных стран или регионов внутри страны, в различных сферах общественной деятельности «западный» и «восточный» варианты могут быть представлены в разных пропорциях, предопределяя при этом, какие виды действий считаются нарушением и относятся к коррупционным. «Западная коррупция» представлена, в первую очередь, административными, дисциплинарными и запрещенными гражданско-правовыми сделками. На проявления «восточной коррупции» накладывают отпечаток патерналистская позиция государства и слабые демократические традиции. Это, как правило, незаконное завладение госслужащими чужой собственностью; контрабанда и спекуляция; сообщение ложных сведений руководству; ущемление интересов населения; ложные обвинения; пристрастие к азартным играм; непристойное поведение и т.д. Однако объединяющим моментом обоих вариантов является разложение самой системы государственного управления, разрушение механизмов, обеспечивающих ее функционирование в общественных интересах, формирование механизмов представительства интересов отдельных лиц, структур, организаций. Подобная масштабная институционализация коррупции является социально опасной, потому что в ее основе лежит не только нарушение формальных правил и демократических процедур, но и социально-политических ценностей, в соответствии с которыми государство должно действовать в интересах всего общества, исключая групповые или личные корыстные мотивы.

Несмотря на рассмотренные различия в акцентах, при анализе сущности коррупции как системного социального явления, практически все исследователи обращают внимание на следующие характеристики:

- коррупция носит универсальный характер, поскольку объективно присуща всем моделям социального устройства;
- коррупция относится к числу сложных и комплексных явлений, составляющих угрозу криминализации общественных отношений, и ведущих к деградации системы государственного управления;
- непосредственная связь коррупции с государственной властью (наличие хотя бы у одного из субъектов коррупционных отношений статусно-ролевого положения в системе государственного управления, позволяющего принимать значимые решения).

Наиболее сложным вопросом в этой связи становится методология анализа институционализации антикоррупционной политики и разработка рекомендаций по оценке и выбору перспективных направлений противодействия коррупции в системе государственного управления. В мировой практике используют два основных подхода к обеспечению данного процесса: либеральный и репрессивный [1, 2]. Либеральный подход предполагает легализацию, «узаконение», то есть, официальное разрешение ранее запрещенных законодательством действий, которые содержали элементы коррупционности, но не представляют реальную угрозу безопасности обществу и его морально-этическим принципам. Результативность подобных антикоррупционных методов доказали такие страны как США, Великобритания, Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия, Германия, Австрия, Израиль и т.д. Причем, например, Швеция, до середины XIX в. считалась страной с высоким уровнем коррупции, но доступ граждан к внутренним документам государственной службы; комплекс мер, направленных на полное исключение меркантилизма должностных лиц; этические стандарты для государственных служащих принципиально изменили ситуацию. Образцом совершенствования собственной системы антикоррупционного управления является Финляндия, это единственная страна, в которой отсутствуют специальные правоохранительные службы, занимающиеся борьбой с коррупцией. Система «дублирования мониторинга» за возможными коррупционными действиями в системе государствен-

ного управления Израиля, или технологии «четырёх глаз» в Германии, «синдром вращающейся двери», используемый в Великобритании, или «модель контракта» в США заслуживают серьёзного изучения и при соответствующей адаптации к российским условиям, применения на практике. Вторым подходом, используемым в зарубежных странах при государственном регулировании противодействия коррупции, предполагается применение многообразия репрессивных мер к любым проявлениям коррупционных отношений. Примером данного подхода считаются Китай и Гонконг, хотя репрессивные меры при кажущейся эффективности не всегда дают желаемый результат. Монополия на принятие решений автоматически становится основой для коррупционного поведения должностных лиц.

При государственном регулировании процессов противодействия коррупции в современной России используются оба подхода, но основной акцент делается на превентивные механизмы. Речь идет об устранении административных барьеров, антикоррупционной стандартизации в сфере государственной и муниципальной службы, рационализации системы государственных закупок и т.д. Условно в истории российской антикоррупционной политики можно выделить три этапа, каждый из которых имел свои цели, задачи и специфику в противодействии коррупции. Первый этап начинается с принятия в 1992 г. Указа Президента РФ от 04.04.92 № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», и создания в марте 1993 года Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по борьбе с преступностью и коррупцией. Однако существенного влияния на сложившуюся ситуацию принятые меры не оказали, поскольку касались решения оперативных вопросов противодействия коррупции и не носили комплексного характера. В качестве важнейшего направления антикоррупционной политики на втором этапе рассматривается соблюдение с 2003 г. общепринятых на международном уровне антикоррупционных стандартов и механизмов противодействия коррупции в системе российского государственного управления, а также принятие комплекса нормативных документов, связанных с прохождением и ограничениями при прохождении государственной гражданской службы. Третий, современный этап связан, в первую очередь, с институциональным закреплением в 2008 г. национальной модели антикоррупционной политики. Обширный материал для анализа данного этапа представляют доклады Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) по России, посвященные реализации ратифицированных международных конвенций по противодействию коррупции. К настоящему моменту, согласно Сводному докладу о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО по итогам первого и второго раунда, из 26 принятых на себя обязательств 15 «успешно выполнены»; а 11 рекомендаций признаны «частично выполняемыми» [8]. К «успешно выполненным рекомендациям» относятся: стратегия и план по борьбе с коррупцией; закон «О противодействии коррупции»; расширение возможностей для общественного участия в президентском антикоррупционном совете; установление критериев приема на работу прокуроров; обеспечение права судей оспаривать решения об увольнении; расширение доступа граждан к информации о деятельности судов и органов государственной власти, включая информацию по разработке кодексов этического поведения для государственных служащих; введение публичных отчетов в системе государственного управления; расширение категории лиц, подпадающих под нормы о противодействии коррупции; создание комиссий по конфликту интересов; регулярное проведение социологических мониторингов по вопросам коррупции.

Мониторинг выполнения Россией международных обязательств по реализации практик противодействия коррупции в системе государственного управления предполагает также рассмотрение действующих программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации в качестве самостоятельного направления в рамках реализации государственной антикоррупционной политики. По оценкам специалистов Национального института системных исследований проблем предпринимательства,

опубликовавшим свой отчет в рамках мониторинга антикоррупционной деятельности, который проводится с конца 2008 г., Астраханская, Кемеровская, Курганская, Пензенская области, а также Татарстан признаны самыми прозрачными регионами в плане организационно-законодательной базы противодействия коррупции [10]. Вместе с тем анализ положительного опыта разработки механизмов предупреждения и пресечения коррупционных проявлений в органах государственного управления субъектов РФ позволяет определить зависимость эффективности их реализации от условий и факторов внешней и внутренней среды, заинтересованности руководства региона в успешности данного процесса и особенностей общественного участия в противодействии коррупции. Придать системный характер достижению стратегических целей и решению тактических задач антикоррупционной политики возможно только на основе полноценного анализа причин и условий, не позволяющих добиться эффективной реализации предлагаемых мер противодействия коррупции. Для того чтобы представить целостную картину решения данной проблемы, в зарубежной практике менеджмента разрабатываются стратегические карты, основанные на системе сбалансированных показателей [4]. Философия, заложенная в стратегическую карту сбалансированной системы показателей противодействия коррупции, проста: можно управлять тем, что поддается оценке; оценить можно то, что можно описать. Эта модель намного результативнее используемого в российской системе государственного управления программно-целевого подхода, поскольку предполагает преодоление ряда заложенных в него ограничений. Например, программно-целевой подход не позволяет в должной степени дифференцировать антикоррупционные мероприятия в зависимости от типов и видов коррупционных проявлений; ориентирует комплекс профилактических мер в большей степени на их выполнение в рамках внутреннего контроля органов государственной власти; не гарантирует достаточную степень преемственности с ранее действовавшими планами противодействия коррупции и т.д. При этом важно понимать, что есть также определенные минусы при использовании стратегической карты антикоррупционной деятельности, основанной на системе сбалансированных показателей. Во-первых, внимание фокусируется только на заданных показателях, как следствие могут игнорироваться значимые сопутствующие факторы. Во-вторых, не предусмотрены механизмы для моделирования неопределенности и рисков, а также для разрешения возможных конфликтов при реализации программ профилактики, пресечения и противодействия коррупции. В-третьих, нельзя отказаться от традиционных инструментов планирования и контроля. Кроме того, для внедрения стратегической карты необходимо изменение всего процесса управления антикоррупционной политикой, поскольку первый опыт реализации сбалансированной системы показателей будет представлять собой сложный проект, подготовка и управление которым должно поручаться подготовленной группе специалистов.

Структурированная информация об антикоррупционной деятельности в виде системы показателей позволяет, во-первых, гарантировать соответствие стратегического портфеля информационных технологий, плана организационных изменений и стратегических направлений пресечения и профилактики коррупции Национальной стратегии противодействия коррупционной деятельности. Во-вторых, определять причинно-следственные связи основных типов коррупции (приватизация государства, покровительство, административная коррупция и т.д.), зоны повышенного коррупционного риска с учетом специфики и особенностей государственного управления. В-третьих, создавать открытую базу данных о результатах противодействия коррупции в системе государственного управления. Кроме того, сбалансированная система показателей описывает, как достигается тот или иной позитивный результат с помощью превращения стратегии в непрерывный процесс и постоянную работу всех заинтересованных сторон, включая активизацию изменений со стороны должностных лиц органов государственной власти. Необходимая для описания информация касается четырех аспектов противодействия коррупции в системе государственного управления:

1) финансового обеспечения проводимых мероприятий, с точки зрения, отдачи на вложенные денежные средства, а также привлекательности для дополнительного финансирования инвесторами и спонсорами;

2) развития внутренней операционной эффективности антикоррупционного управления;

3) удовлетворенности населения полезностью реализуемых практик противодействия, пресечения и профилактики коррупции и, как следствие, повышением авторитета органов государственной власти;

4) обеспеченности необходимой инфраструктурой (единый портал краудсорсинговых ресурсов и гражданских проектов, программное обеспечение, базы данных и т.д.) и человеческими ресурсами (знание, навыки, способности и обучение специалистов, которые влияют на гибкость системы антикоррупционного управления и ее постоянное совершенствование).

Между четырьмя названными блоками показателей складывается стратегическая причинно-следственная цепочка: подготовленные человеческие ресурсы, используя развитую инфраструктуру, обеспечивают управление качеством процессов противодействия коррупции. В итоге достигается баланс между долгосрочными и краткосрочными целями, между результатами и факторами их достижения. Формулировка количества направлений и показателей, рассматриваемых в стратегической карте, зависит от уровня коррупционности сфер государственного управления и изменяющихся условий внешней среды. Первоначально определяются базовые элементы сбалансированной системы показателей. Для финансовой составляющей ими могут быть: снижение общих затрат; оптимальное использование бюджетных средств; повышение ценности привлечения дополнительных финансов для пользователей и спонсоров; совершенствование структуры издержек и финансовых рисков. Стратегическим результатом достижения данного показателя становится устранение несоразмерности программных мероприятий имеющимся финансовым средствам. В основе развития внутренней операционной эффективности антикоррупционного управления представлены такие процессы, как унификация порядка разработки и утверждения комплексных долгосрочных целевых программ противодействия коррупции; институционализация государственной антикоррупционной политики; разработка стандартов антикоррупционного поведения государственных служащих. Инновационная составляющая предполагает постоянное совершенствование инструментов и механизмов противодействия коррупции. Менеджмент общественного участия направлен на обеспечение гражданского и парламентского контроля за реализацией мероприятий региональной программы противодействия коррупции; проведение общественных расследований; использование открытых процедур оценки эффективности антикоррупционной деятельности в системе регионального управления. Внутренняя составляющая позволяет ответить на вопросы о том, каким образом гражданские служащие узнают о мероприятиях по антикоррупционной политике, и как организовано ими выполнение данных мероприятий; каким образом исполнители мероприятий могут осуществлять их корректировку в случаях отсутствия положительных эффектов; с помощью каких критериев определяются участники мероприятий антикоррупционной политики и т.д. Достигнутый стратегический результат фиксирует эффективные операционные процессы в системе управления противодействием коррупции; удовлетворенность населения полезностью реализуемых практик профилактики и пресечения коррупции; степень его вовлеченности в антикоррупционные действия; сформировавшийся уровень доверия между властью и обществом.

Важно подчеркнуть, использование стратегической карты, основанной на системе сбалансированных показателей антикоррупционной деятельности, позволяет показать, что каждая задача может быть объяснена, если связать с ней конкретный вопрос. Ответы на каждый ключевой вопрос становятся целями, которые предопределяют решение конкретных задач, а оценка эффективности деятельности произво-

дится по мере их реализации. Обеспеченность необходимой инфраструктурой и человеческими ресурсами позволяют оперативно получать необходимую информацию для принятия управленческих решений, генерировать инициативы участников внутренних операционных процессов и концентрировать внимание на повышение квалификации государственных служащих по тем направлениям противодействия коррупции, которые приносят в данный момент максимальную пользу. При этом предпочтение отдается не мерам контроля, а средствам коммуникации. Общий стратегический результат – это гибкость системы антикоррупционного управления и ее постоянное совершенствование; развитие партнерских отношений между участниками; расширение предлагаемых практик антикоррупционной деятельности. В свою очередь, такой результат позволяет не только противодействовать условиям, порождающим коррупцию, и увеличивает выгоды от действий в рамках законов и с учетом общественных интересов, но и обеспечивает активное вовлечение гражданского общества в реализацию антикоррупционной политики, формирует нетерпимость по отношению к любым коррупционным действиям.

Таким образом, мировой опыт доказывает, что за исторически короткий период времени, реально существенно снизить уровень коррупции во всех сферах социально-экономической деятельности, используя не только многостороннее сотрудничество в этой области, но и действенные инструменты, такие как стратегическая карта, и эффективные зарубежные практики пресечения коррупционных проявлений в органах государственного управления.

Список литературы

1. Бочарников И. А. Зарубежный опыт противодействия коррупции / И. А. Бочарников // Актуальные проблемы противодействия коррупции. Серия: Проблемы национальной безопасности. – 2008. – № 6 (351). – Режим доступа: <http://www.vestnik.ssu.samara.ru/articles>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Гладов А. В. Эффективность антикоррупционной политики: опыт зарубежных стран / А. В. Гладов // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 10 (111). – Режим доступа: http://www.vestnik-old.samsu.ru/articles/111_18.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Индекс восприятия коррупции // ТРАНСПЕРЕНСИ ИНТЕРНЕШНЛ РОССИЯ : Центр Антикоррупционных исследований и инициатив. – Режим доступа: www.transparency.org.ru/index-vospriatia-korrupcii/blog, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Каплан Р. Стратегические карты: Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Р. Каплан, Д. Нортон. – Москва : Олимп-Бизнес, 2005. – 493 с.
5. Кузьмин Н. А. К вопросу о понятии и природе коррупции / Н. А. Кузьмин // Российский следователь. – 2009. – № 24. – С. 23–26.
6. Летуновский В. В. О противодействии коррупции / В. В. Летуновский, А. А. Агеев // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 47–49.
7. Минева О. К. Экономическое лицемерие общества как одна из первопричин коррупции в высшей школе / О. К. Минева // Каспийский регион: политика, экономика, культура – 2009. – № 4 (21). – С. 48–52.
8. Новый отчет ГРЕКО по России // ТРАНСПЕРЕНСИ ИНТЕРНЕШНЛ РОССИЯ : Центр Антикоррупционных исследований и инициатив. – Режим доступа: <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/novyi-otchet-greko-po-rossii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Система общегосударственной этики поведения / под ред. Джереми Поупа. – Москва : Transparency International, 1999.
10. СМИ о нас // Волга – Медиагруппа «Вся Россия». – Режим доступа: http://www.nisse.ru/work/press/press_1603.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. – 19 мая 2009. – № 4912.
12. Франк Е. В. Решение агентской проблемы в российских корпорациях / Е. В. Франк // Экономика, предпринимательство и право. – 2011. – № 7. – С. 29–36. – Режим доступа: www.creativeconomy.ru/articles/15451/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Хромова Е. И. Коррупция как социально-правовой феномен / Е. И. Хромова // Вопросы экономики и права. – 2011. – № 5. – С. 22–27.

References

1. Bochamnikov I. A. Zarubezhnyy opyt protivodeystviya korruptsii [Foreign experience of anti-corruption]. *Aktualnye problemy protivodeystviya korruptsii. Seriya: Problemy natsionalnoy bezopasnosti* [Actual problems of anti-corruption. Series: Problems of National Security], 2008, no. 6 (351). Available at: <http://www.vestnik.ssu.samara.ru/articles>.
2. Gladov A. V. Effektivnost antikorrupcionnoy politiki: opyt zarubezhnykh stran [The effectiveness of anti-corruption policies: the experience of foreign countries]. *Vestnik Samarского gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University], 2013, no. 10 (111). Available at: http://www.vestnik-old.samsu.ru/articles/111_18.pdf.
3. Indeks vospriyatiya korruptsii [Corruption Perceptions Index]. *TRANSPYeRYeNSI INTYeRNYeShNL ROSSIYa : Tsentri Antikorrupcionnykh issledovaniy i initsiativ* [TRANSPARENCY INTERNATIONAL RUSSIA: Center for Anti-Corruption Research and Initiatives]. Available at: www.transparency.org.ru/indeks-vospriyatiya-korruptcii/blog.
4. Kaplan R., Norton D. *Strategicheskie karty: Transformatsiya nematerialnykh aktivov v materialnye rezultaty*. [Strategy maps: Transformation of intangible assets into tangible results], Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2005. 493 p.
5. Kuzmin N. K voprosu o ponyatii i prirode korruptsii [On the concept and nature of corruption]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2009, no. 24, pp. 23–26.
6. Letunovskiy V. V., Ageev A. A. O protivodeystvii korruptsii [On Combating Corruption]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2010, no. 1, pp. 47–49.
7. Mineva O. K. Ekonomicheskoe litsmerie obshchestva kak odna iz pervoprichin korruptsii v vysshey shkole [Economic hypocrisy of society as one of the root causes of corruption in higher education]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2009, no. 4 (21), pp. 48–52.
8. Novyy otchet GRYeKO po Rossii [A new report by GRECO Russia]. *TRANSPYeRYeNSI INTYeRNYeShNL ROSSIYa : Tsentri Antikorrupcionnykh issledovaniy i initsiativ* [TRANSPARENCY INTERNATIONAL RUSSIA: Center for Anti-Corruption Research and Initiatives]. Available at: <http://www.transparency.org.ru/v-rossii/novyi-otchet-greko-po-rossii>.
9. Poup Dzhheremi (ed.) *Sistema obshchegosudarstvennoy etiki povedeniya* [Nationwide system of ethics], Moscow, Transparency International Publ., 1999.
10. SMI o nas [Media about us]. *Volga – Mediagruppa «Vsyaya Rossiya»* [Newspaper "Volga" – Media Group "All Russia"]. Available at: http://www.nisse.ru/work/press/press_1603.html.
11. Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], May 19 2009, no. 4912.
12. Frank Ye.V. Reshenie agentskoy problemy v rossiyskikh korporatsiyakh [Decision agent problem in Russian corporations]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo* [Economy, Business and Law], 2011, no. 7, pp. 29–36. Available at: www.creativeconomy.ru/articles/15451/.
13. Khromova Ye. I. Korruptsiya kak sotsialno-pravovoy fenomen [Corruption as a social and legal phenomenon]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Problems of Economics and Law], 2011, no. 5, pp. 22–27.

**СЧЕТНАЯ ПЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ГЛАВНЫЙ СУБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА**

Минева Оксана Карловна, доктор экономических наук, профессор, декан

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: okmineva@rambler.ru

Войнов Игорь Владимирович, кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Сафрыгин Юрий Владимирович, старший преподаватель

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Храмова Татьяна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор – проректор по экономике, развитию и финансам

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

В статье приведены основные направления деятельности Счетной палаты РФ, как главного субъекта государственного аудита в нашей стране. Государственный аудит является инструментом контроля управления и распоряжения государственными ресурсами в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в РФ.